

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АЗИИ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА
КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1966

Р. ХАЛИД И А. П. ЧЕХОВ

В Турции, как и в других странах Востока, хорошо знают и любят произведения А. П. Чехова. Первый перевод Чехова на турецкий язык непосредственно с русского относится к 1910 г. Однако знакомство с турецкой литературой убеждает, что турки много читали Чехова и прежде всего во французском переводе, задолго до этого и что творчество великого русского писателя оказало серьезное влияние на турецкую литературу. В этом плане особый интерес представляют произведения Рефика Халида (род. в 1886 г.) — писателя талантливого, сложного, заслужившего у себя на родине почетное прозвание турецкого Чехова.

О воздействии А. П. Чехова на творчество Р. Халида говорили уже его ранние рассказы, и в первую очередь лучшие из них, вошедшие в сборник: «Рассказы о стране» (¹مملکت حکایه لری), принесший автору большой успех и широкую известность. Описываемые в них события, как правило, происходят в небольших городках и селах Турции. Герои рассказов — чиновники, крестьяне, мелкие служители церкви, представители деклассированных слоев турецкого общества, одним словом «маленький человек», о котором с такой любовью писал и Антон Павлович Чехов. Общий тон рассказов по-чеховски грустный, задумчивый. Есть в сборнике и комические картины, но они опять-таки проникнуты чеховским юмором, в котором тесно переплелись комизм, ирония, сатира.

В плане выявления чеховского влияния на творчество Р. Халида большой интерес представляют многие новеллы сборника, в том числе: «Шутка» (شاقا), «Персиковые сады» (باغچه لری)

¹ [изд. 1] ۱۳۳۵، استانبول، 'مملکت حکایه لری' (далее — Р. Халид).

لی), «Раз в году» (بیله بر), «Старый бык» (قوجه اوکوز), но особенно — «Цена молчания» (حق سکوت).

До сего времени название حق سکوت переводили как «Право молчать». Исключение представляет лишь перевод Л. О. Алькаевой, которая предложила вместо него новый: «Поправие права»². На мой взгляд, рассказ следует переводить «Плата за молчание» или «Цена молчания», так как слово حق кроме своего основного значения «право» имеет еще и другое — «вознаграждение», «плата за труд». А именно о такой плате и идет речь в рассказе. Мастеру увеличивают жалование с тем, чтобы он молчал, ему платят за молчание.

Рассказ Р. Халида в значительной мере напоминает «Степь» А. П. Чехова. Глубоко национальная, но по-чеховски грустная музыка, с хорошо знакомыми мотивами загубленной, нераспустившейся красоты человека, слышится и в рассказе Р. Халида. И это легко объяснить, вспомнив, что переживала турецкая интеллигенция в кауп революции 1908 г., когда создавалась повелла «Цена молчания»³.

В эти тревожные предреволюционные годы не одного Р. Халида терзали беспокойные мысли о судьбах человечества, об отношении к техническому прогрессу и буржуазной цивилизации. Порою писателю казалось, что лучше вернуться назад, к прошлому, к старой жизни с ее патриархальными обычаями и порядками. Но сама действительность, опыт России и Запада убеждали его, что есть и другой выход⁴. Тревоги и раздумья автора нашли место в его рассказе. Как реалист Р. Халид не замолчал того факта, что вместе с техническим прогрессом капитализм несет и еще большее обострение социального неравенства, возрастающее «отчуждение» человека от общества, его духовное обнищание. Как гуманист он не мог не скорбеть при виде того, как машины поглощают человека, как из него выхолацивается человеческая сущность. Но как оптимист он продолжал верить в его лучшее будущее.

Сам выбор фабричной темы, главной героини — из среды работниц шелковой фабрики — и общественно важной проблемы — освобождения человека — были выразительным ответом на важнейший вопрос современности «Что делать?», говорили об идейных позициях писателя в те годы.

² Л. О. Алькаева, *Очерки по истории турецкой литературы 1908—1939 гг.*, М., 1959, стр. 48.

³ Рассказ написан в 1906—1907 гг.

⁴ В рассказе этого сборника «Против насилия» (قوته قارشى) Р. Халид прямо говорит о том, что хорошо знаком с событиями 1905 г. в России.

Проводником авторских идей и настроений на этот раз оказался, по аналогии с чеховской «Степью», православный священник. Но если о. Христофор в «Степи» А. П. Чехова, убеждая маленького Егорушку в пользе наук, ставил счастье и благополучие человека в полную зависимость только от его образованности, подтверждая это собственным примером, то священник из рассказа Р. Халида пошел дальше. Он раскрыл мастеру Хасибу-эфенди глаза на жизнь: познакомил его с положением рабочих в других странах, рассказал об их отношениях с хозяевами, об их борьбе за свои права. Он показал Хасибу-эфенди на многих примерах, что рабочие сильны, если они сплочены, что их путь к счастью проходит через борьбу. Священник Р. Халида — это не только просветитель, но и возмущенный спокойствия, человек, протестующий против произвола хозяев и, больше того, — указывающий путь к освобождению рабочих.

Для турецкой литературы начала XX в., делающей первые шаги по пути утверждения реалистической прозы, подобный образ был, разумеется, большим событием. И в этом нельзя было не заметить влияния 1905 г. Вот как описывает Р. Халид впечатление, произведенное на мастера откровением священника:

«До этого дня. . . ему (мастеру Хасибу-эфенди. — Г. С.) казалось, что рабочие могут только просить, что они беззащитны и обречены на смерть. Что же касается хозяев, то они всегда богаты и всемогущи. Теперь он вдруг понял, что положение рабочих может существенно измениться, если наступит конец равнодушию, что для успеха нужны хорошие организаторы, энергичные, сильные духом, обеспокоенные судьбами народа люди, которые бы добивались желаемого борьбой, а не соглашательством»⁵.

Мысль о развращающей силе «желтого дьявола», пробуждающего в людях жажду наживы, доводящего их до унижения, а часто и преступления, которую в чеховской «Степи» откровенно высказывает Соломон («. . . нет такого барина или миллионера, который из-за лишней копейки не стал бы лизать рук у жида пархатого. . .»⁶), в рассказе Р. Халида читатель находит во внутреннем монологе мастера. Пытаясь разобраться в причине молчания, с которым он сталкивался на каждом шагу в жизни, силясь понять, почему молчат даже те, кто знает о положении на фабриках и кто мог бы, казалось, его изменить, Хасиб-эфенди вдруг «. . . почувствовал тяжесть увеличенного жалованья. То была плата за его молчание. Вот его и заставили молчать. Под воздей-

⁵ Р. Халид, стр. 180.

⁶ А. П. Чехов, *Собрание сочинений*, т. 6, М., 1962, стр. 44.

ствием этой жестокой силы молчал не он один, молчали и те, кто занимал высокие посты. Эта мера постоянно обеспечивала капиталистам прибыль, поставляла кладбищам мертвецов⁷.

И, наконец, последняя параллель, на которой хочется остановиться в настоящем сообщении. Речь пойдет о купце Варлаамове из «Степи» А. П. Чехова и фабриканте Саатчи-заде Хидает-бее из рассказа Р. Халида. В свое время русская критика сурово осудила А. П. Чехова за избранный композиционный прием: «Одно из главнейших действующих лиц, дающих направление и движение действию, — писал Аристархов (псевдоним А. Введенского), — богатый купец Варламов, только и является, чтобы проехать мимо читателя на лошадке — и больше ничего»⁸.

Стремление А. П. Чехова к лаконичному, но многогранному раскрытию образа, не поштое и не оцененное по достоинству в ту пору многими критиками, послужило прекрасным образцом для турецкого новеллиста при создании образа Хидает-бея. Так же, как и Варламов, фабрикант лишь однажды предстает перед читателем собственной персоной. Это происходит в тот момент, когда он заезжает на фабрику, чтобы просмотреть документы, и неожиданно застаёт мастера, потрясенного гибелью любимой Фотики, в необычном состоянии. Только один раз читатель получает возможность посмотреть на этого человека, но тем не менее впечатление о фабриканте у него давно создано на основании всего, что ему известно ранее.

Хидает-бей жил ежедневно, ежеминутно в фабричных цехах, где «за три-четыре куруша работницы фабрики по четырнадцать часов выставляли около кипящих котлов, вдыхая ядовитые пары, отравленный воздух»⁹; в убогих жилищах, где «дети засыпают под адекватную фабричную музыку»¹⁰; во всем облике работниц — замученных, изможденных, огупевших от труда, голода и горя, которые «... по окончании смены с трудом переставляли ослабевшие ноги, обутые в грубые башмаки с подковками, и молча расходились по своим конурам. Для сна и отдыха у них оставалось всего шесть часов. О развлечениях не могло быть и речи. Если бы вы знали, с каким трудом открывали по утрам глаза эти несчастные, преодолевая боль и усталость во всем теле, с какой мукой повиновались фабричному гудку! Если бы вы только знали, сколько слез проливали эти жертвы, каких усилий им стоило передвигать свои беспомощные тела!»¹¹.

⁷ Р. Халид, стр. 184.

⁸ «Русские ведомости», 31.III.1888.

⁹ Р. Халид, стр. 173.

¹⁰ Там же, стр. 171.

¹¹ Там же, стр. 173.

И этих свидетелей было более чем достаточно, чтобы оценить Хидает-бея и его дела по заслугам, без лишних слов, чтобы понять его алчную звериную сущность даже в его отсутствие, не видя перед собой его самого. Больше того, они действовали сильнее, чем если бы сам Хидает-бей потрясал кулаками. Работницы фабрики — немые жертвы буржуазной цивилизации — были укором не только фабрикантам, но и каждому, кто равнодушно взирал на «чудеса» прогресса.

Портрет Хидает-бея, парисованный во время свидания с мастером, заканчивал характеристику героя и не оставлял никакого сомнения в отрицательном отношении к нему со стороны писателя. «. . . Большой живот, приплюснутое туловище, вытянутая, как дыня, голова, малюсенькие глазки, веки без ресниц. . . Хидает-бей был похож на. . . крокодила»¹².

Так по прошествии почти двух десятилетий молодой турецкий писатель, имя которого скоро должно было стать известным во всем мире, повторил «опасный» чеховский прием опосредованного образа.

Заключительная картина рассказа — благоухающая весенняя ночь в окрестностях Брусы, окутанных тузовыми садами, аромат которых проникает даже на территорию фабрики, как и величественная картина русской степи в повести А. П. Чехова, имела большой символический смысл. Цветущий сад, как поэзия прошлого, остался далеко за границами Брусы, но с ароматом его цветов сюда, на фабричный двор, пришла другая весна, весна человеческих надежд и пробуждения.

¹² Р. Халид, стр. 181.